

допомогою психоаналізу.

1. Плющ Л. Экзод Тараса Шевченка: Навколо „Москалевої криниці”. Дванадцять статтів. – К., 2001.
2. Шеваров Д. „Пьеро Белкин” // Новый мир. – 1999. - №4.
3. Гиришман М. Творчество Пушкина и современная теория поэтического произведения // Вопросы литературы. – 1999. - №2.
4. Ільчук Ю. Автор як генератор смислу в тексті (проблема інтерпретації „Повістей Белкіна” О.С.Пушкіна) // Літературознавство. Мовознавство. Фольклористика: Вісник київського національного ун-ту. — 2000. — Т. 17.
5. Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». – Пг., 1929.
6. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М., 1960.
7. Фрейд З. Избранное: В 2 кн. – М., 1990. – Кн.1.
8. Юнг К.-Г. Душа и миф: Шесть архетипов. – К., 1986.
9. Юнг К.Г. Психологія та поезія // Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки ХХ століття / За ред. М.Зубрицької. – Львів, 1996.
10. Гамбургер А. Психоанализ и литература // Ключевые понятия психоанализа. Пер с нем. – СПб., 2000.
11. Павличко С. Теорія літератури. – К., 2002.
12. Зборовська Н. Психоаналіз і літературознавство. – К., 2003.
13. В.И.Коровин. Солнце русской поэзии // Коровин В.И. Русская поэзия XIX века. – М., 1983.
14. Трубецкой Б.А. Пушкин в Молдавии: Моногр. исслед. – Кишинев, 1990.
15. Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. – М., 1986. - Т.2.
16. Томашевский Б.В. Пушкин. Т. 2. Юг; Михайловское. – 2-е изд. – М., 1990.
17. Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. – М., 1987. — Т.3.
18. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813 -1826). – М., 1950.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л., 1977. – Т.3.
20. Лотман Ю. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. – Л., 1980.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОЭМЫ А.С.ПУШКИНА «ПОЛТАВА»

Е.О.Ларионова

(ст. научный сотрудник, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

У статті розглядається “Історія Карла XII” Вольтера як основне історичне джерело Пушкіна в роботі над поемою “Полтава”. Серед інших використаних Пушкіним джерел твір Вольтера вирізняється, оскільки вплинув на художню концепцію поеми. Автор статті звертає увагу на нові аспекти “шекспіризму” Пушкіна.

The article deals with the «History of Charles the XII-th» by Volter as the main historic source used by A.Pushkin in his poem “Poltava”. Among all the different historical sources used by Pushkin the book by Volter is especially important because it had an impact on the general concept of Pushkin’s poem. The author suggests some new aspects of the problem of Pushkin’s «Shakespeareism».

Исторические источники, использованные Пушкиным в работе над поэмой «Полтава», хорошо изучены. Их обзор в известной статье Н. В. Измайлова отличается исчерпывающей и даже несколько избыточной полнотой. Кратко резюмируя наблюдения Измайлова, можно обозначить две группы источников — русские и французские. В группе русских источников важнейшими являются выпущенная в 1822 г. «История Малой России» Д.Н.Бантыш-

Каменского, «Деяния Петра Великого» и «Дополнения» к ним И. И. Голикова (1788—1795) и изданный М. М. Щербатовым в 1770 г. «Журнал, или Поденная записка... императора Петра Великого». «Деяния...» Голикова являлись для Пушкина вообще основным источником изучения петровской эпохи. «Журнал...» дает подробное описание Полтавского боя. Из «Истории Малой России», и в частности из опубликованных Бантыш-Каменским в приложении к ней подлинных документов, Пушкин мог широко черпать сведения по украинской истории, политике Петра в отношении Украины, некоторые подробности о деятельности Мазепы. Из второй группы источников — иностранных исторических сочинений — вполне достаточно указать два — «Историю Карла XII» Вольтера и «Историю козачества» Шарля-Луи Лезюра. Остальные, в частности, упоминаемые Измайловым труды Нордберга, де Ла Мотрэ, Адлерфельда, и даже «История Российской империи при Петре Великом» (1759) Вольтера, не оставили в тексте поэмы сколько-нибудь заметных следов, поэтому, даже если про некоторые точно известно, что Пушкин их читал (например, сочинения Нордберга и Ла Мотрэ, которые Пушкин и Липранди брали с собой в поездку в Бендеры в 1824 г. (1, 332—333)) совершенно не важно, обращался ли Пушкин к ним непосредственно в процессе работы над поэмой (2, 11—12).

Одна из особенностей поэмы «Полтава» заключается в ее совершенной верности историческим фактам — черта, в принципе, не свойственная жанру ни эпической исторической поэмы предшествующего периода, ни тем более поэмы романтической. Практически каждый стих «Полтавы» находит соответствие в исторических источниках. Притом, что касается источников русских, как правило, ни один из них ни в одном случае не может быть признан для Пушкина единственным или даже основным. Пушкин оперирует хорошо известным, достаточно общим арсеналом фактов и сведений. Даже сюжет с влюбленностью Мазепы в дочь Кочубея Пушкин мог почерпнуть у разных авторов: об этом пишет Бантыш-Каменский, но в первом издании его книги рассказ о любовной связи Мазепы почти не выходит за рамки, в которых он присутствует в труде Голикова.

В отличие от трудов русских историков, сочинения Вольтера и Лезюра оставили прямой след в тексте «Полтавы». Так, внимательное чтение Вольтера отозвалось целым рядом реминисценций и близких текстуальных совпадений. Достаточно отметить лишь некоторые.

Слова Мазепы, характеризующие Карла:

*Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом...*

имеют в виду два конкретных анекдота о шведском короле, подробно рассказанные у Вольтера, на которого в данном случае Пушкин даже ссылается в авторских примечаниях к поэме. Первый — это история о поездке Карла в сопровождении всего нескольких офицеров к своему врагу, саксонскому королю Августу II в Дрезден; второй — ответ на реплику солдата, писавшего под его диктовку письмо, который испугался разрыва бомбы: *Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктую? пиши* (3, 54, 66—67).

Описание победного пира Петра:

*В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает...
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе? (3, 59—60)*

— находит соответствие у Вольтера:

Московский император, исполненный радости, которую он и не пытался скрывать, принимал на поле битвы пленных, которых приводили к нему толпами, и поминутно спрашивал: «А где же брат мой Карл...». Тогда, взяв бокал вина, он <Петр> сказал: «За

здоровье моих учителей в военном искусстве». Реенскольд спросил его, кого именно удостоил он столь высоким титулом. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. — «Ваше величество, однако, очень неблагодарны, обойдясь столь дурно со своими учителями!» — возразил на это граф (4, 138, 139).

Также как и эпизод бегства Карла, и эпизод его пленения турками:

*...отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук... (3, 63—64)*

Выражения *один в толпе домашних слуг; бросил шпагу под бунчук*, звучащие у Пушкина как символические формулы неравного боя и пленения, на самом деле описывают совершенно конкретную ситуацию. 12 февраля 1711 г. турецкая армия взяла штурмом лагерь в Варнице; большая часть шведов, несмотря на совершенно неравные силы сторон отчаянно оборонявшихся, была перебита, оставшиеся в живых, вместе с королем Швеции, захвачены в плен. Описанию штурма шведского лагеря в Варнице посвящены одни из самых ярких страниц в книге:

Янычары с одной стороны, татары с другой в мгновение ворвались в маленький лагерь: едва ли десятка два шведов успело обнажить шпаги; три сотни солдат были окружены и взяты в плен без всякого сопротивления с их стороны. Король на лошади находился в это время между домом и лагерем <...>. Он тотчас поскакал с ними к дому, который был укреплен так хорошо, как только было возможно, и где несли караул около сорока домашних слуг. <...> Король, на ногах которого были, по обыкновению, ботфорты, зацепился шпорами и упал: двадцать один янычар в тот же миг бросился на него; он отбросил свою шпагу, чтобы избежать печальной необходимости ее отдать (4, 188).

В первых изданиях Вольтер, как собственно и все историки, писавшие о русской кампании Карла XII, достаточно подробно объяснял решение шведского короля повернуть в Украину (состояние дороги, тактика выжженной земли, к которой прибегали русские, отступая, приближение зимы и нехватка продовольствия). В окончательном тексте акцент сделан на внезапности и неожиданности для всех этого решения:

Победитель по-прежнему находился на главной дороге к столице Москве. От Смоленска <...> до Москвы около ста французских лье. В армии почти не осталось продовольствия. Короля настоятельно просили подождать подхода генерала Левенгаупта, который должен был его доставить вместе с подкреплением в пятнадцать тысяч человек. Король, который редко следовал чьим-нибудь советам, не только не прислушался к этому здравому суждению, но, к большому удивлению всей армии, оставил московскую дорогу и направился на юг к Украине... (4, 123)

Именно этот оттенок внезапности и немотивированности в решении шведского короля акцентировал и Пушкин:

*Незаметно Карл поворотил
И перенес войну в Украину (3, 52).*

Вольтер работал над своим сочинением с 1731 по 1768 г., внося в него разного рода изменения и уточнения. По какому изданию знакомился с «Историей...» Вольтера Пушкин сказать трудно, но это не имеет значения для любого издания после 1768 г., когда книга приобрела свой окончательный вид. Некоторым этапом в работе над книгой стали добавления 1737—1738 гг., посвященные Петру. Вряд ли, впрочем, они могли быть важны для Пушкина, хотя сама тема противопоставления Карла и Петра — монарха, ищущего славы только ради славы, и государя, полностью посвятившего себя своей стране, — противопоставления, усиленного Вольтером в поздних изданиях по мере все более четкого оформления его просветительской философии истории, имела значение для Пушкина (на что в свое время справедливо указал Измайлов (2, 23—24)). От вольтеровского противопоставления идут, кстати, некоторые, казалось бы «проходные» пушкинские эпитеты — например, *венчанный славой бесполезной* (3, 23).

Число параллелей и текстуальных переключек между «Историей Карла XII» Вольтера и «Полтавой» можно было бы еще умножить. Впрочем, даже приведенных вполне достаточно, чтобы признать книгу Вольтера важнейшим пушкинским источником. Непродуктивными следует признать и попытки указать какой-нибудь новый, ускользнувший от внимания исследователей, исторический труд, из которого Пушкин теоретически мог почерпнуть ту или иную частную подробность. Эти подробности наверняка найдутся в разных исторических работах, посвященных петровской эпохе, или точно Пушкину известных, или, по крайней мере, знакомство с которыми Пушкина нельзя исключить.

Заслуживающей особого внимания представляется одна особенность использования Пушкиным исторических источников в работе над «Полтавой». Дело в том, что к важнейшему для себя источнику, «Истории Карла XII» Вольтера, Пушкин со всей очевидностью обращался не только за фактическим материалом. Историческое повествование Вольтера существенным образом повлияло на художественное решение поэмы в целом.

Основным объектом внимания Вольтера на протяжении всей книги остается личность шведского короля — сложная, незаурядная во всех своих проявлениях и заключающая в самой себе источник гибели. Карл XII в изображении Вольтера, несомненно, трагический персонаж, но, что интересно, вовсе не герой классицистических аллюзионных и концептуальных трагедий Вольтера. Личность шведского короля в «Истории...» Вольтера не несет никакой абстрактной идеи, не олицетворяет отвлеченной страсти, не служит ни риторическим, ни догматическим авторским целям. Вольтеровский Карл, скорее, трагический герой шекспировского типа — человек в борьбе с судьбой, обстоятельствами и историей. Жизнь Карла XII вполне укладывается в рамки шекспировской «философии истории», как формулировал ее Ф. Гизо: «...события следуют своей дорогой, человек вступает на свою; он прилагает все силы для того, чтобы отклонить их от того направления, которое кажется ему нежелательным, чтобы победить их, когда они становятся на его пути, обойти их, когда они ему мешают; на мгновение он подчиняет их своей воле, но вскоре снова встречает их еще более враждебными на том пути, по которому он их направил, и наконец погибает, весь целиком, в борьбе, которая ломает и его судьбу, и его жизнь» (5, 172). Этот парадоксальный скрытый «шекспиризм» «Истории Карла XII» Пушкин должен был заметить и по достоинству оценить. Более того, думается, в работе над «Полтавой» он и сам в значительной мере пошел по пути, прочерченному Вольтером.

«Полтаву» писал поэт, уже создавший «Бориса Годунова». Художественные ориентиры новой поэмы во многом определились тем творческим переломом, который был связан с работой над трагедией и чтением Шекспира в Михайловском. Трагическое начало в «Полтаве» выражено ярко. Скрытые реминисценции в тексте поэмы и собственное свидетельство Пушкина в написанных осенью 1830 г. в Болдине заметках о «Полтаве» (вошедших в «Опровержение на критики») указывают, что именно в шекспировском «Отелло» поэт, например, искал психологическое обоснование любовного чувства героев поэмы (6, 36—44). «Глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, одна и обольстила меня», — комментировал он сам замысел «Полтавы» (7, 160). Разумеется, шекспиризм «Полтавы» не столь очевиден, как в «Борисе Годунове», и все же, по-видимому, он сильнее, чем это принято считать.

Подобно Вольтеру Пушкин нашел своего трагического героя в реальной истории, только не в Карле XII, а — в Мазепе.

Что бы ни писали про линию Петра в «Полтаве», главным героем поэмы, бесспорно, является Мазепа (не случайно его именем Пушкин до самого последнего момента и думал назвать поэму). Глубокий и достаточно тонкий психологический портрет мятежного украинского гетмана Пушкин нашел в «Истории козачества» Лезюра и почти буквально переложил в стихотворные строки. Причем если в русских источниках, в частности, у Бантыш-Каменского, подробнее других остановившегося на фигуре гетмана, акцентировались только «темные» стороны его личности — честолюбие, коварство,

жестокость и проч., — то Лезюр нарисовал образ очень неоднозначный и не лишенный своей привлекательности, особо, кстати, подчеркнул интеллектуальное, а в чем-то и нравственное превосходство Мазепы над своими подданными, чуждость гетмана к окружающему его мало цивилизованному народу и стране, которую он не считал своей родиной.

Оставивший Польшу с мыслями о мести, Мазепа, быть может, всегда хранил в своем сердце любовь к своему первому отечеству. По рождению, уму, личным качествам он был много выше невежественного народа, у которого нашел убежище и от которого получил лестные отличия.

Под простой и открытой внешностью Мазепа таил глубочайшую скрытность и умение вырывать одним словом, одним движением, одним взглядом чужие тайны; он тем искуснее их улавливал, что сам, казалось не хранил своих. Умеренный по натуре, среди народа, у которого пьянство считалось достоинством, он умел возбуждать любимую страсть своих сотрапезников; представляясь более пьяным, чем они сами, он легко овладевал их доверием и узнавал самые потаенные мысли. Обходительный и щедрый, он не отказывал им ни в деньгах, ни в советах; и мнимые качества его сердца неразрывно привязали к нему грубых людей, уже покоренных превосходством его ума. Но уже став среди них первым, он не мог удовлетворить свою гордость командованием в предприятиях, которые всегда рассматривались лишь как партизанские набеги: он привык господствовать в такой мере, что не мог выносить над собой власти. Щедро одаренный милостями монарха могущественного и умеющего отличать заслуги, удостоенный ленты Св. Андрея Первозванного и чином тайного советника, он страдал оттого, что был всего только подданным, опутанным блестящими цепями, а не признанным вождем независимого народа и проч. (8, 81—83)

Ср.: Измайлов дает указания на другие переключки Пушкина с текстом Лезюра, в частности, на сравнение Мазепы с Сикстом V в третьей части поэмы (2, 14—15). Следует отметить, что страницы, посвященные Мазепе, видимо, выделяются в сдержанном и скупом на психологические подробности историческом сочинении Лезюра.

Подчеркнем, что трагический герой сам по себе уже оправдывает то единственное отступление от действительности, допущенное Пушкиным в поэме. Изображая Марию возлюбленной гетмана в его дворце в течение нескольких лет, вплоть до казни Кочубея, Пушкин, конечно, погрешил против исторической истины. Однако пушкинская эстетическая концепция, сложившаяся во многом под впечатлением чтения Шекспира и сформулированная в ряде критических заметок середины-конца 1820-х гг. («Письмо редактору “Московского вестника”», наброски предисловия к «Борису Годунову», «О народной драме и драме “Марфа Посадница”»), допускала такого рода анахронизмы в трагическом жанре. «Правда факта» здесь могла отступить на второй план перед правдой характера, «внутреннего образа» героя, верностью психологического портрета, изображения его страстей и побуждений.

Пушкин не просто сумел дать яркое художественное воплощение найденного им трагического характера. Не отступая ни в целом, ни в деталях от строгой исторической достоверности, автор «Полтавы» в то же время сделал своего героя центральным персонажем романтической поэмы. Потому что «Полтава», несмотря на свою эпическую, «государственную» составляющую, еще обнаруживает безусловное родство с этим жанром. «Трехгеройная» сюжетная схема восточных поэм Байрона (герой — его возлюбленная — антагонист) (9, 44—45) в «Полтаве» демонстративно трансформирована: главной жертвой становится так называемый «антагонист» (Кочубей), а основным побуждающим мотивом героя, движущим фабулу поэмого повествования, оказывается вовсе не осуществление его любовного чувства, которое он по ходу действия приносит в жертву целям гораздо менее благородным. Сама эта трансформация не отрицает сюжетную актуальность данной схемы, а скорее даже ее подчеркивает. «Взрыв» жанровых канонов происходит изнутри. Историческая достоверность сюжета и глубина характера героя, созданный Пушкиным выпуклый психологический образ рождают в «Полтаве» совершенно новое для лирической

поэмы напряжение внутреннего драматизма.

Таким образом, Пушкин соединяет в художественном пространстве своей поэмы три сюжета — исторический (эпический / государственный), лирический (романтический) и трагический сюжет, связанный с героем шекспировского типа. Причем именно третий из перечисленных, «шекспировский» элемент становится главным организующим началом в поэме. Им во многом диктуется авторский подход к описываемым историческим событиям — взгляд на столкновение частного и общего, личного и государственного. Он же определяет происходящую в «Полтаве» трансформацию жанра романтической поэмы.

1. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1974. — Т.1.
2. Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой» //Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. — Л., 1976.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1949. — Т.5.
4. Voltaire F. M. Arouet Histoire de Charles XII. — Paris, 1968.
5. Реизов Б.Г. Шекспир и эстетика французского романтизма: («Жизнь Шекспира» Ф. Гизо) //Шекспир в мировой литературе. — М.; Л., 1964.
6. Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais de Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot et A. P<ichot>, traducteur de Lord Byron; précédée d'une notice biographique et littéraire sur Shakspeare par F. Guizot. — Paris, 1821—1822. — Т. 1.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1949. — Т. 11.
8. Lesur Ch.-L. Histoire des Kosaques... — Paris, 1814. — Vol. 2.
9. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л., 1978.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.

Н.П.Лебеденко

(доктор филологических наук, профессор,
Измайльський державний гуманітарний університет)

Автор статті досліджує естетичне осмислення особистості і творчості О.С.Пушкіна російськими символістами на матеріалі літературно-критичних робіт Д.Мережковського.

The author of the article studies the aesthetical understanding of the personality and creative heritage of A.S.Pushkin by Russian symbolists on the materials of literary-critical works of D.Merezhkovsky.

Уже в начале XX века исследователи отмечали, что русский символизм развивался под знаком "культы Пушкина" (1, 346). При этом можно с полным основанием утверждать, что и творчество, и сама личность поэта не воспринимались представителями символизма только как факты литературной жизни, а были сопоставимы с коренными гранями бытия, такими, как история, народ, Россия, искусство.

Подобное отношение к Пушкину было вызвано, в первую очередь, реакцией на традиционные подходы академического литературоведения (Щеголев, Морозов). Вспомним, хотя бы, саркастическую формулу А.Белого: "Если отрешиться от арлекинады слов, которыми мы прославляем Пушкина, он для нас, в сущности - ничто, водруженное на Олимп" (2, 351). Теоретик символизма таким эпатазирующим образом характеризовал отношение к Пушкину, сформировавшееся в литературно-эстетическом сознании современников. Но ведь определение - "ничто, водруженное на Олимп", - отражает и оценку деятельности представителей академической науки, которая, даже в лице наиболее видных ученых (И.Жданов, А.Кирпичников, А.Веселовский, В.Сиповский и др.), так и не сумела подняться до уровня обобщений, свойственных классической пушкинистике XIX века.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

**Науковий вісник
Ізмаїльського державного
гуманітарного університету**

Збірник наукових праць

Спецвипуск

18

Ізмаїл - 2005